

М. Чайковский

Турецкие анекдоты.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. Чайковский**
Турецкие анекдоты. / М. Чайковский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
422 с.

ISBN 978-5-458-02397-9

Из тридцатилетних воспоминаний Михаила Чайковского (Садык-паши).

ISBN 978-5-458-02397-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ.

Въ пору моего ученія, съ дѣтскаго до юношескаго возраста, самое сильное впечатлѣніе производили на мой умъ такъ-называемые анекдоты о различныхъ извѣстныхъ людяхъ, напечатанные въ грамматикахъ какъ примѣры, въ книжкахъ для забавы учащихся дѣтей и даже въ календаряхъ. Эта любовь и уваженіе къ анекдотамъ сохранились во мнѣ до дряхлой старости. Теперь, доживая вѣкъ въ казачьей сторонѣ, въ полнѣйшемъ удаленіи отъ людей и свѣта, въ суровомъ покаяніи за давніе грѣхи, чтобъ отогнать отъ себя насколько возможно ежедневныя немощи и скорби, которыхъ на бѣду у меня не мало, я перебираю въ памяти прошедшее и записываю анекдоты случившіеся на моихъ глазахъ, или вѣрно передаю свидѣтельства очевидцевъ и еще

живыхъ въ мое время людей. Я пишу не для сыновей моихъ—на что имъ анекдоты?—а для моихъ внуковъ, если только эта болтовня старика дойдетъ до нихъ въ пору.

Начинаю съ Турціи, со славянскаго Востока, и имъ ограничиваюсь, потому что я тамъ жилъ и дѣйствовалъ, потому что самъ я Славянинъ и человекъ Востока по сердцу, по душѣ, по родинѣ и по склонности.

Для лучшаго пониманія анекдотовъ, которымъ я самъ былъ свидѣтелемъ или которые я передаю со словъ очевидцевъ, въ царствованіе султановъ Абдуль-Меджида и Абдуль-Азиса, которымъ я тридцать лѣтъ служилъ перомъ и саблей, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ отцѣ султанѣ Махмудѣ.

Султанъ Махмудъ.

Этотъ падишахъ былъ несомнѣнно государемъ съ несокрушимой волей и рѣдкою энергіей. Онъ обладалъ многими качествами необходимыми для царствующаго самодержца, воспитаннаго и выросшаго подъ вліяніемъ правила: я такъ хочу и такъ должно быть; но его сердце и разумъ не были развиты воспитаніемъ, онъ не научился распознавать людей и не зналъ людскихъ дѣлъ. Проживъ молодость подъ скучною охраной, онъ

замкнулся въ самомъ себѣ и оттолкнулъ отъ себя людей; вступивъ на тронъ прямо изъ заключенія, онъ не имѣлъ при себѣ ни друга, ни довѣреннаго лица, ни совѣтника, не искалъ ихъ и даже воздерживался отъ сближенія съ людьми. Онъ хотѣлъ найти все въ самомъ себѣ и дѣлать самъ все что касалось его господства и царствованія. Онъ царствовалъ безъ яснаго и обстоятельнаго понятія о томъ какъ управлять государственными дѣлами, безъ опредѣленной цѣли и не распознавъ предметовъ, которыхъ онъ хотѣлъ достигнуть реформами. Онъ инстинктивно чувствовалъ потребность реформъ, и какъ самоучка со смутными свѣдѣніями совершалъ по внушенію калриза государственныя преобразованія. Самымъ явнымъ образцомъ туманности взглядовъ въ этомъ отношеніи представляетъ воспитаніе двухъ сыновей султана, въ которыхъ онъ не могъ не видѣть преемниковъ своего трона и которымъ въ болѣе или менѣе отдаленной будущности онъ долженъ былъ передать направленіе начатыхъ при немъ преобразованій въ государствѣ.

Воспитаніе султанскихъ принцевъ.

Старшій сынъ Махмуда, Абдуль-Меджидъ, получилъ западное воспитаніе на французскомъ языкѣ; съ дѣтскихъ лѣтъ въ немъ возбуждали чувства человѣчности и справедливости. Учители его были Европейцы, почти всѣ Французы, и его окружали молодые Турки получившіе европейское образованіе. Любимымъ его занятіемъ было чтеніе книгъ и газетъ и бесѣды о наукахъ и политикѣ. Своей матери, Черкешекѣ, онъ переводилъ газеты съ французскаго на турецкій языкъ и училъ ее географіи и исторіи. Онъ былъ добръ и щедръ къ своей прислугѣ и милостивъ къ бѣднымъ. Онъ разузнавалъ чрезъ своихъ слугъ о нуждахъ обѣдѣвшихъ родственниковъ и подавалъ имъ помощь щедрою рукой. Сердце у него было такое чувствительное что въ комнатахъ его было запрещено убивать мухъ и другихъ насекомыхъ; у оконъ стояли бумажныя трубочки въ которыя приказано было собирать докучливыхъ насекомыхъ и потомъ выпускать живыми въ открытое окно при входѣ въ его апартаменты.

Онъ не любилъ только кошекъ, за то что онѣ съѣдали милыхъ ему соловьевъ. За каждую кошку пойманную въ дворцовыхъ садахъ выдавали по пяти ліастровъ съ тѣмъ чтобъ ее отвезли на

другой берегъ Босфора. Когда же онъ узналъ что кошекъ, для новаго заработка, опять пускали въ садъ или убивали, то онъ запретилъ платить за нихъ во дворцѣ и приказалъ производить выдачу денегъ на азіатскомъ берегу, при рѣкѣ Ривѣ, гдѣ, по раслаатѣ, выпускали кошекъ въ лѣсъ. Казначеемъ этой конторы былъ опредѣленъ Жмудинъ Францишекъ Серафиновичъ, одинъ изъ работниковъ въ султанскихъ садахъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе юнаго принца своими усердными моленіями въ часы отдыха. Увидавъ какъ онъ освѣляетъ себя крестнымъ знаменіемъ и молится на колѣняхъ, принцъ сказалъ: онъ вѣрно хорошій человекъ если такъ любитъ Бога и такъ усердно ему молится—и не ошибся. Я привожу эти подробности чтобъ ясно показать сердечныя чувства первороднаго сына султана Махмуда даже въ мелочахъ.

Младшій сынъ Абдуль-Азизъ былъ воспитанъ евнухами и наставниками ислама, Туркменами изъ Бухары и Самарканда. Онъ получилъ образованіе восточное, не арабское и не персидское, а туркменское, монгольское, какъ древніе ханы татарскіе. Первое мѣсто въ его воспитаніи было предоставлено гимнастикѣ и джигитовкѣ. Свита юнаго принца состояла изъ джигитовъ и лехливановъ (силачей). Всего охотнѣе забавлялся онъ дикими звѣрями изъ звѣринца въ дворцо-

вомъ саду и различнаго рода птицами, которыхъ у него было несчетное множество. Бои лѣтуховъ, индюковъ, гусей и другихъ птицъ составляли его любимое зрѣлище. Онъ часто для потѣхи отсѣкалъ дамасскимъ булатомъ ноги у дерущихся птицъ и нерѣдко самъ участвовалъ въ борьбѣ съ пехливанами. Въ Чариганскомъ дворцовомъ саду спускъ съ горы къ сажалкѣ, на длинѣ въ двадцать футовъ, былъ выложенъ мраморными плитами. Молодой принцъ садился на вороного арабскаго коня, главнаго любимца изъ всей его конюшни, пускалъ его во весь опоръ съ горы внизъ, разомъ осаживалъ аргамака при началѣ мраморныхъ плитъ, скользилъ по нимъ до уровня сажалки, шириной въ четырнадцать футовъ, уздой и шпорами заставлялъ лошадь перескочить черезъ нее и мчался далѣе въ чащу сада. Чудный былъ аргамакъ, но лихой былъ и всадникъ; всѣ дивились на нихъ вмѣстѣ съ отцомъ.

Такъ воспитывали молодыхъ принцевъ по волѣ царственнаго отца и подѣ его бдительнымъ окомъ. Султанъ Махмудъ говорилъ своему врачу Абдуль-ханъ-Эфради, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ улемой (кардиналомъ ислама) и обладалъ знаніями Востока и Запада:

„Этотъ опытъ покажетъ намъ кто способнѣе царствовать, Востокъ или Западъ“.

Генералъ Хржановскій, проживавшій въ то время въ Турціи подъ англійскимъ именемъ генерала Кинга и составившій первый проектъ устройства турецкаго войска, разказывалъ что султанъ Махмудъ хотѣлъ привлечь къ себѣ воспитаніемъ одного сына симпатію западной Европы, ея правительствъ и народовъ, а воспитаніемъ другаго пригрозить и Западу и Востоку соколыными когтями.

Реформаторскія прихоти султана Махмуда.

Наклонности султана Махмуда къ реформамъ выражались очень странно. Ради реформы онъ сбросилъ съ своихъ ногъ мусульманскую обувь, туфли, и надѣлъ Наполеоновскіе ботфорты съ подковками и шпорами. Этими сапогами онъ наказывалъ нерадивыхъ и плутоватыхъ чиновниковъ и сановниковъ приносившихъ ему дурныя вѣсти; ударомъ руки онъ повергалъ виноватаго на полъ, толталъ его каблуками и пырлялъ шпорами. Отъ такой привычки султанъ реформаторъ никакъ не могъ отвыкнуть.

Онъ предалъ смерти своихъ двухъ наиспособнѣйшихъ государственныхъ мужей. Пертевъ-пашу заподозрѣннаго въ пріязни къ Россіи онъ сослалъ въ Адрианополь и отправилъ къ нему микмандира (гонца) съ отравленнымъ кофе и

шелковымъ шнуркомъ. Изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ онъ приказалъ микмандиру не принуждать, но дать ему добровольно выпить кофе, а когда обнаружится дѣйствіе яда, позволить лашѣ самому наложить себѣ на шею петлю шелковаго шнурка чтобы велѣть себя придушить во исполненіе воли и приказа султана калифа. Знаменитый финансистъ, Армянинъ Артимъ-бей былъ просто обезглавленъ, а сокровища его, состоявшія преимущественно изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, взяты въ казну султана, за то что онъ былъ слишкомъ богатъ.

По удаленіи этихъ двухъ человѣкъ со сцены политической и реформаторской, остались на ней главными дѣятелями улема и врачъ Абдулъ-Гакъ-эфенди и Хузревъ-лаша, Черкесъ Абаза, по прозвищу Толалъ—хромой. Абдулъ-Гакъ-эфенди былъ человѣкъ придворный, знакомый съ обычаями дворовъ Востока и Запада, умѣющій молчать и говорить, степенный, радушный, хотя и гордый, настоящій вельможа ислама. Хузревъ-лаша былъ придворный, льстивый, заискивающий, немного вертлявый и щеголь, несмотря на свое прихрамыванье, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ смѣтливъ и ему вмѣнялось въ великую заслугу что онъ не противился реформамъ, но вводилъ ихъ и велъ дѣла прямодушно

и какъ умѣлъ. Онъ усердно занимался воспита-
ніемъ юношества, и многихъ невольниковъ, ре-
негатовъ и бѣдныхъ мусульманъ посылалъ на
свой счетъ въ заграничныя столицы и тамъ
платилъ за ихъ содержаніе и образованіе. Та-
кимъ образомъ онъ подарилъ царству султана
сотни слособныхъ и спеціально образованныхъ
людей. Онъ покровительствовалъ европейскимъ
выходцамъ и пользовался ихъ услугами при во-
вводимыхъ порядкахъ. При такихъ необыкно-
венныхъ достоинствахъ онъ очень часто позво-
лялъ себѣ чисто восточныя поступки, считая
ихъ необходимыми бездѣлицами, какъ отравле-
ніе кофеемъ, утопленіе въ Босфорѣ и тому по-
добныя *бездѣлицы*. У него былъ докторъ Грекъ
Констаки Меркулоль, и когда къ нему приво-
дили человѣка осужденнаго отправиться на тотъ
свѣтъ, онъ билъ въ ладоши призывая доктора.

— Констаки, дай ему кофе, да хорошаго.

Гость, радъ не радъ, долженъ былъ выпить хо-
рошій кофе, послѣ чего его выносили изъ дворца
и тащили къ Босфору или на кладбище. У хрома-
го было правило: когда имѣешь врага котораго
не можешь одолѣть, то приластись къ нему,
притворись его другомъ; жми ему руку такъ сер-
дечно и такъ крѣпко чтобы жилы сдавить и за-
морить, а когда жилы окоченѣютъ, то рубани по

рукѣ, она отвалится, и дѣлу конецъ, ты же твори что хочешь.

Когда Хузревъ сидѣлъ подѣ арестомъ въ своемъ дворцѣ, на берегу Босфора, что случалось съ нимъ очень часто, то онъ проводилъ цѣлые дни у окна за рѣшеткой и внимательно смотрѣлъ на проплывавшіе мимо его кайки. Гребцы кайковъ служили ему барометромъ мнѣнія двора и народа. Если гребцы смотрѣли смѣло и равнодушно на его дворецъ, онъ заключалъ что дѣло плохо и его не боятся, если же они олускали глаза внизъ, то примѣта считалась хорошею, значить опасались что ему вернутъ милость и власть. Гребцы кайковъ, думалъ Хузревъ-паша, безпрестанно перевозятъ людей разнаго званія и слышатъ всякія вѣсти распространяемыя въ городъ и во дворецъ; они репортеры общественнаго мнѣнія и столичныхъ слуховъ.

Эти два человекъ были ближайшими и довѣреннѣйшими сановниками султана Махмуда. Они жили въ полномъ согласіи между собой, но въ сущности дружбы между ними не было; они завистливо смотрѣли на оказываемыя каждому изъ нихъ султаномъ милости и дѣлали съ удовольствіемъ другъ другу непріятности.

Въ войну Россіи съ Турціей 1828 года Хузревъ-паша былъ вмѣстѣ великимъ визиремъ и калуданомъ (морскимъ министромъ) Оттоманской